

Евгения В. Коньшева

От проекта реконструкции Бреслау к проекту „Большой Москвы”: трансформация градостроительной концепции Эрнста Мая

Sztuka Europy Wschodniej Искусство Восточной Европы Art of Eastern
Europe 2, 175-185

2014

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

POLSKA – ROSJA: SZTUKA I HISTORIA
ПОЛЬША – РОССИЯ: ИСКУССТВО И ИСТОРИЯ
ТОМ II

Евгения В. Конышева

Южно-уральский государственный университет, Челябинск

От проекта реконструкции Бреслау к проекту „Большой Москвы”: трансформация градостроительной концепции Эрнста Мая

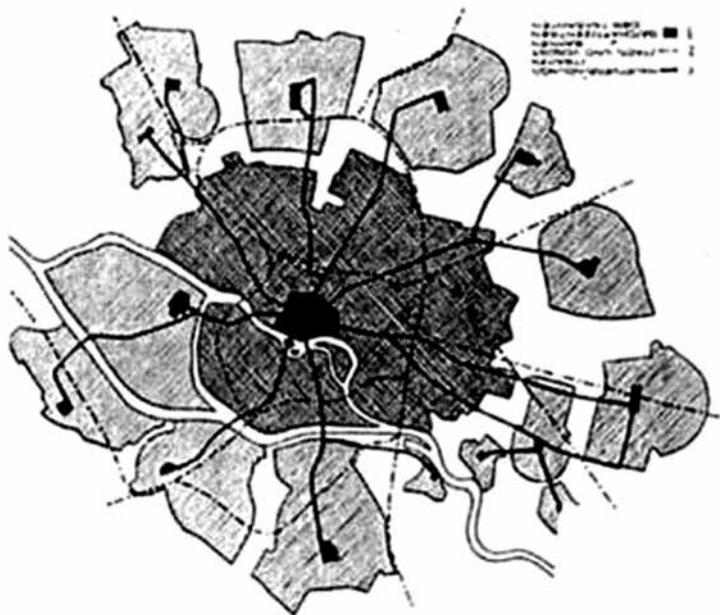
Современная Польша и современная Россия обладают творческим наследием франкфуртского архитектора Эрнста Мая (1886–1970). Начало градостроительной деятельности Э. Мая связано с Силезией (1919–1925). В проектах и постройках для Schlesische Heim и Schlesische Landgesellschaft оформились его принципы городского планирования и жилищного строительства. Достигнутый уровень и опыт были развиты Э. Маем в его деятельности по реализации программы Нового Франкfurта (1925–1930). Генетическая связь между двумя этими этапами прослежена и изучена. Однако советский период деятельности Э. Мая (1930–1933) рассматривается, как правило, автономно, за исключением самых общих отсылок к очевидным истокам. В этой публикации будет сделана попытка краткого анализа трансформации градостроительных принципов Э. Мая в СССР и обстоятельств этой трансформации на основе рассмотрения проекта „Большой Москвы”.

Именно в Силезии Э. Маем впервые была представлена его градостроительная концепция – развитие крупного города через систему трабантов (спутников). В 1921 году в соавторстве

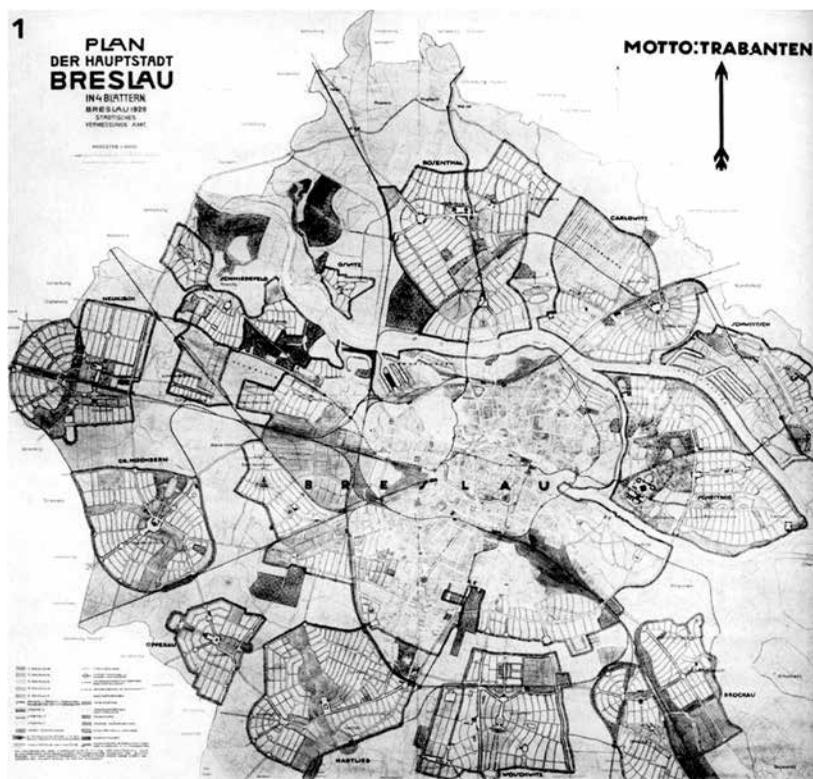
с Х. Бёмом был предложен проект на конкурс по реконструкции Бреслау (Вроцлав) и его пригородов. Поселения-сателлиты, с населением до 100 тыс. человек, должны были создать кольцо вокруг „материнского города” в радиусе 20–40 км. Для сохранения зеленых поясов вокруг трабантов, их размеры ограничивались. Особенно важной была разработка транспортной связи с историческим городом, т.к. он сохранял функцию экономического и культурного центра (иил. 1–2).¹

Концепция реконструкции Бреслау, как затем и „Большого Франкfurта”, опиралась на традицию Э. Говарда, которую Э. Май воспринял сквозь призму идей своего учителя – Р. Энвина. Развивая его концепцию, Э. Май создает схему Бреслау, как с относительно самостоятельными трабантами, обладающими собственной инфраструктурой, так и с поселками-пригородами. Позже, опираясь на опыт первого проекта, он считал предпочтительным возведение „производственных” городов-спутников, „чтобы постепенно приблизиться к основной цели: наикратчайшему пути между местом жилья и местом

¹ Störckuhl (2011: 45). В этой публикации в целом подробно рассмотрена деятельность Э. Мая в Силезии.

Илл. 1.
Э. Май, Х. Бём, схема реконструкции
Бреслау, 1921, проект

Илл. 2.
Э. Май, Х. Бём, проект реконструкции
Бреслау, генплан, 1920

работы². Однако, проект реконструкции Бреслау не был реализован, а во Франкфурте он использовал поселковый принцип – „добавочных городов, застроенных исключительно жилыми домами” (илл. 3).³

Уникальная возможность для воплощения идей трабантной системы, казалось бы, предста-

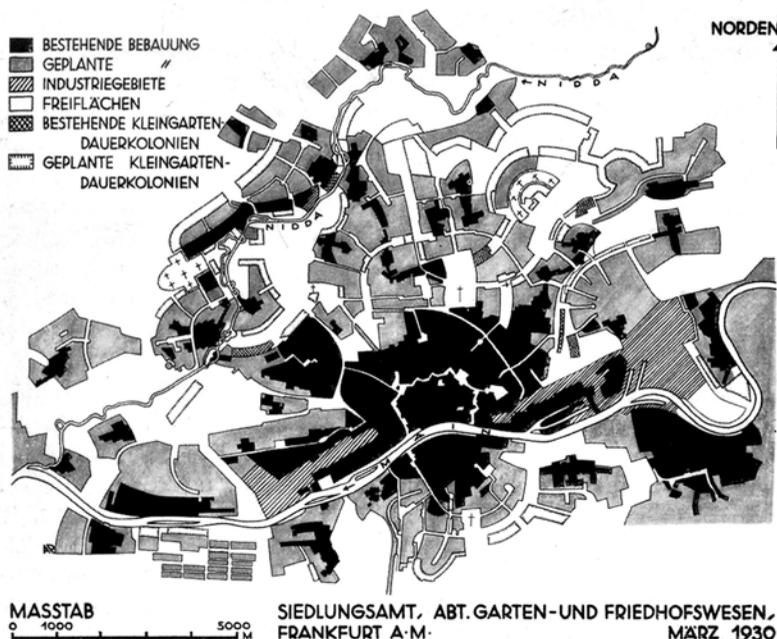
вилась Э. Маю в СССР, в конкурсе на проект реконструкции Москвы (1931/1932). Э. Май позже свидетельствовал, что проектируя Москву, он использовал проект для Бреслау, перенеся спутниковую модель с города средней величины на миллионный город.⁴ Основные положения проекта „бригады Мая” (арх. Май, Хасен-

² Май (1930: 72).

³ Май (1932: 166)

⁴ Май (1960: 63–72).

FLÄCHENVERTEILUNGSPLAN FRANKFURT A·MAIN

Илл. 3.
Схема „Большого Франкфурта“, 1930

флуг, Хеббрандт, Шмидт, инж. Бертин, Леман, Фролов) общеизвестны: архитекторы считают бессмысленной попытку реконструкции старой феодальной Москвы и предлагают оставить за ней лишь административные и общественные функции. В течение трех этапов должен быть осуществлен вынос основной части жилья для 4 млн. москвичей в города-жилкомбинаты в радиусе 20 км. в среднем на 100 тыс. человек каждый. На первом этапе предполагается возвести 11 комбинатов с общим числом жителей 1 млн человек. На втором этапе должно быть построено 24 комбината на 2,2 млн. человек, на третьем этапе городское ядро должно стать исключительно общественно-административным. Таким образом, Москва проектируется „в виде суммы самостоятельных городов“, которые связываются с Москвой посредством скоростных электрифицированных дорог и метро.⁵ Такова общая канва проекта, отраженная в советской профессиональной прессе начала 1930-х годов,⁶ и в основном повторяемая с той или иной долей подробности в современных публикациях (илл. 4–5).

Но какие принципы организации города стоят за этим предложением? И с какими про-

блемами была связана их реализация? И как они соотносятся с предшествующим опытом?

В рамках реализации масштабных планов первых пятилеток, перед Э. Маем в Проектно-планировочном бюро Цekomбанка и, затем, в Стандартгорпроект⁷ была поставлена задача разработки концепции города как исключительно промышленно-селитебного образования. Это воплотилось в созданных под руководством Э. Мая проектах Магнитогорска, Сталинска, Щегловска и др. Такой подход не противоречил убеждениям Э. Мая, хотя и не создававшего ранее таких комплексов. Он понимает смысл города, прежде всего, в создании наиболее благоприятных условий для реализации профессионального потенциала человека. И Москва, с его точки зрения, „должна стать примером обусловленного социализмом слияния жилого и рабочего города“⁸.

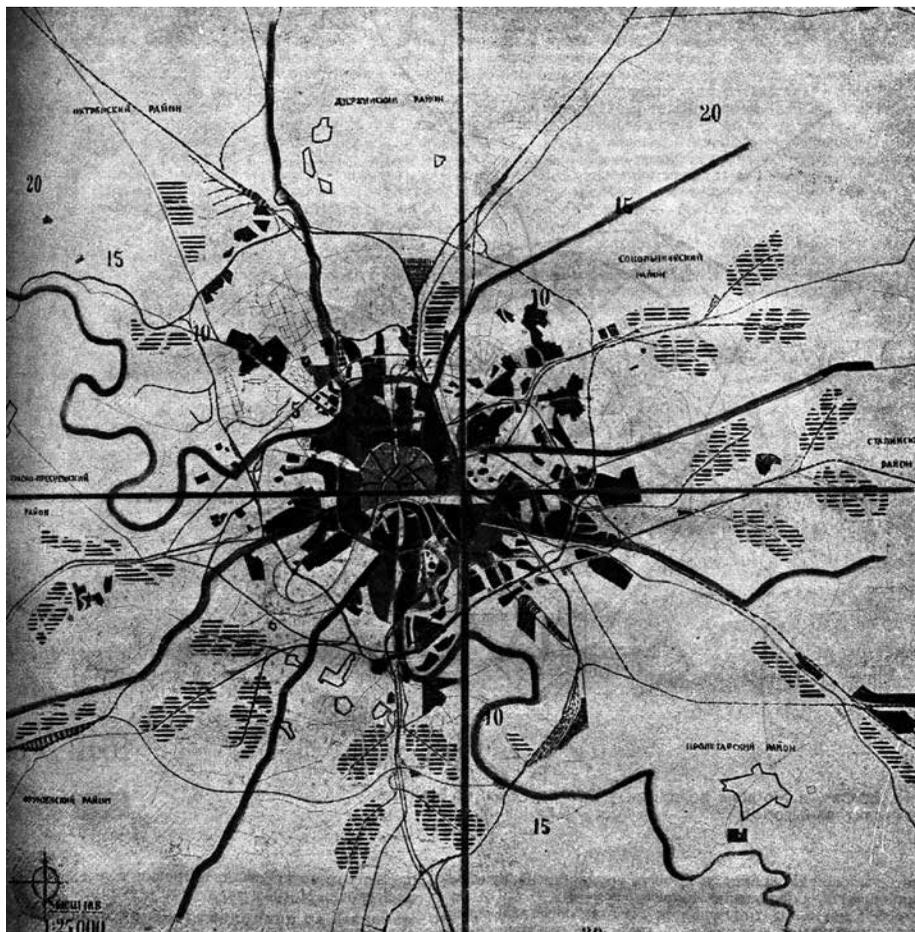
Соответственно, основная задача проекта – установление наиболее рациональной взаимосвязи между жильем и производством. Исходя из этого, архитекторы проектируют два типа поселений-жилкомбинатов. Во-первых, это исключи-

⁵ ДКА (1932).

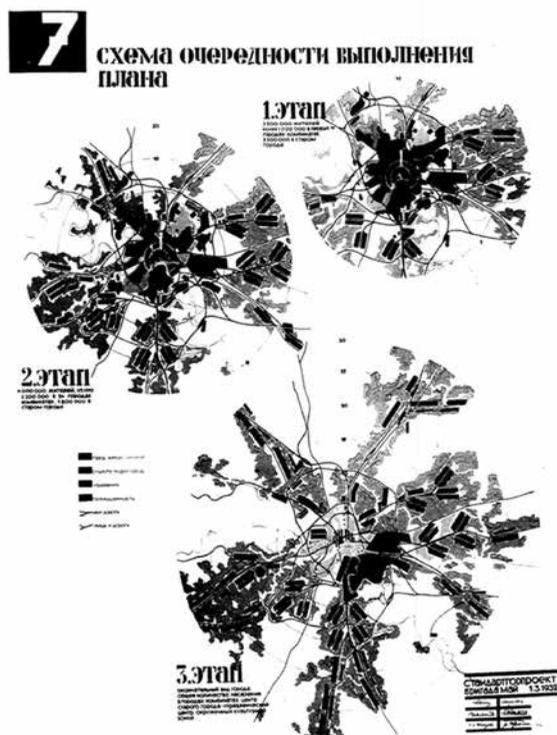
⁶ Май (1932а); Орлеанский (1935: 19); Гольденберг, Гольденберг (1933: 15–16).

⁷ Архитекторы группы Э. Мая работали над градостроительными проектами в период октября 1930 – лета 1931 г. в Цekomбанке; с сентября 1931 года – в тресте Стандартгорпроект; с октября 1933 года – в тресте Горстройпроект.

⁸ ДКА (1932).

Илл. 4. Бригада Э. Мая, генеральный план „Большой Москвы”, 1932, проект

Илл. 5. Бригада Э. Мая, генеральный план „Большой Москвы”, схема этапов реконструкции, 1932, проект

тельно жилые города (например, жилкомбинат „Октябрь”), они размещаются на юго-востоке Москвы, где сконцентрирован индустриальный центр. Жилкомбинаты располагаются на безопасном расстоянии от предприятий и связываются с ними скоростным электротранспортом, так что рабочий должен тратить на эту дорогу не более 35 мин. в комфортных условиях. Во-вторых, это индустриальные города (например, жилкомбинат „Ленино”), где размещаются небольшие предприятия легкой и пищевой промышленности (как вынесенные из пределов исторической Москвы, так и вновь основанные). Они располагаются в непосредственной взаимосвязи с жилыми районами, в результате чего дорога к месту работы займет 15–35 мин., преимущественно пешком.⁹

В течение всей градостроительной деятельности в СССР, Э. Май будет решать в первую очередь проблему планировочного согласования промышленной территории и селитебной зоны. Неудивителен в этих обстоятельствах

⁹ ДКА (1932).

его интерес к поточно-функциональной схеме Н. Милютина. Эту концепцию Э. Май, по-видимому, прекрасно знал, т.к. имел перевод книги Н. Милютина на немецкий язык.¹⁰ Так, первоначальный замысел Э. Мая по планировке Магнитогорска исходил из поточно-функциональной схемы,¹¹ на лентообразном планировочном решении Э. Май настаивал и по отношению к Сталинграду.¹² В индустриальном жилкомбинате для Москвы бригада Мая также предполагала лентообразное размещение жилых, зеленых и индустриальных зон.¹³ Но воплощения в реальных планировочных схемах эта идея так и не получила (илл. 6).

Что касается организации селитебной части города, в основе градостроительных принципов Э. Мая лежит „социальная экономика”: „ухудшение здоровья жителей таких [больших – Е. К.] городов повлекло за собою то, что расходы на социальное страхование, а также на больницы и, наконец, на тюрьмы, достигли чрезвычайных размеров... Убедились, что основанная на голых цифрах экономика очень дорого стоит, и постарались найти другую мерку экономики, построенную на сохранении здоровья человека”.¹⁴ Поэтому, вторая важнейшая задача при проектировании города – социально-гигиеническая. Это коренное и быстрое улучшение условий жилья и работы для широких масс городского населения; широкомасштабное озеленение и непосредственная взаимосвязь между человеческим жилищем и естественной природой.

Наличие больших озелененных пространств – стержневая основа концепции Э. Мая, наследника и продолжателя „зеленой революции” начала века. В сравнении с первоначальным приоритетом эмоциональной связи с родной почвой в силезских поселениях (Гольдшмиден (Вроцлав-Злотники), Леобшютц (Глубчице) и др.), Э. Май наращивает социальные функции зеленого пространства. Уже Новый Франкфурт демонстрирует многообразие форм организации озелененных территорий, начиная от террас на крышах и приквартирных садилов, до садов и парков коллективного использования. Раздел „Система зеленых насаждений” занимает

Илл. 6. Бригада Э. Мая, схема жилкомбината „Октябрь”, 1932, проект

в пояснительных записках проектов советского периода значительное место. В проекте „Большой Москвы” Э. Май превращается в поэта, описывая места расположения подмосковных жилкомбинатов „Октябрь” и „Ленино”: „прекрасный” и „живописный” озерный ландшафт, расстилающиеся лесные массивы, реки, овраги и ручьи. В говардовской традиции небольшие размеры жилкомбинатов – 1,5 км. в диаметре – позволяют постоянно находиться в визуальной взаимосвязи и пешеходной доступности с природным окружением. Для Э. Мая важны не только зеленые зоны как таковые, как „защита от дыма индустрии”, но как эмоциональная составляющая, „переживание встречи с природой”. Каждый жилкомбинат окружен зелеными территориями, московское ядро насыщено сохраненными и развитыми парками (Петровский, Сокольники, Останкино, Кусково и др.), а аллеи, как „кровеносные артерии” устанавливают

¹⁰ ДКА (1930а).

¹¹ ГАСО (Р-241: л. 122).

¹² ДКА (1931).

¹³ Май (1932а).

¹⁴ Май (1930: 71)

взаимосвязь с внешним зеленым кольцом. Окружающий административный сити „культурный пояс” с общественными зданиями, музеями, театрами, клубами также погружен в зелень.

Гигиенические требования обеспечения максимального доступа к свету, воздуху, зелени обусловили ориентир Э. Мая на застройку с большими открытыми пространствами. Балансы территорий в его проектах предполагают значительные размеры зеленых и свободных площадей и относительно низкую плотность заселения. В проектах жилкомбинатов „Ленино” и „Октябрь” плотность предусмотрена соответственно 114 и 148 человек на гектар. Межквартальные зеленые полосы могли достигать в проектах 80 (Тырган, 1931) – 90 м. (Магнитогорск, 1932), внутриквартальные зеленые полосы – ширины 50 (Кузнецк, 1931) – 75 м. (Магнитогорск, 1932). „Отсутствие чувства тесноты”¹⁵ – в целом характерная черта маевских проектов. Однако, подобная „разуплотненность”, невыгодная с точки зрения экономической эффективности подвергалась на заседаниях экспертных комиссий жесткой критике за „перерасход” территории.¹⁶ Как известно, в постановлении ЦК ВКП (б) и СНК СССР „О генеральном плане реконструкции Москвы” в 1935 году плотность будет определена в 400–500 чел./га.¹⁷ Город, „пронизанный садами” и „свободно расположенный”, мог быть предметом обсуждения, конкурсного проектирования и даже поэтического воспевания, но никак не реальностью эпохи индустриального строительства.

С точки зрения организации социального пространства, группа Э. Мая позиционирует свой проект „Большой Москвы” как „город-коллектив”, который понимается иначе, чем просто „Большой город” на основе трабантной системы. Это организм, в котором может „беспрепятственно развертываться социалистическая жизнь”.¹⁸ Э. Май, чья бригада к этому времени уже больше года проектирует в СССР, прекрасно усвоил идеологические основы советских „социалистических городов” и трабанты превращает в „жилые комбинаты” с новыми принципами организации жизни.

Для социалистического города группа Э. Мая создала схему планировочного членения селитебной части: планировочной единицей выступали жилые комплексы, формирующие кварталы, те, в свою очередь, формировали жилые районы, а районы – селитебную часть города. Таким образом, город представлял собой своеобразную „сумму кварталов”. Типовой квартал и типовой город ассоциировался для Э. Мая с возможностью „создать для всего населения одинаково благоприятные условия жизни”¹⁹ в противовес капиталистической имущественной дифференциации застройки.

В проекте реконструкции Бреслау трабанты имели живописную планировку (как, например, Бреслау-Войшвиц, Бреслау-Брокау и др.),²⁰ так же как и ранние поселки Франкфурта 1926–1929 годов (Праунхайм, Рёмерштадт, Брухфельдштрассе и др.).²¹ Уже иной облик имели поселки 1929–1930 годов – Вестхаузен, Гольдштайн, Хеллерхоф,²² которые демонстрировали эволюцию от живописности к рационализму, являясь несомненным истоком проектирования кварталов для советских соцгородов.

Однако, планировочные принципы определялись отнюдь не только предшествующим „капиталистическим” опытом. В СССР проектировщики должны были работать в рамках советского планировочного законодательства, которое предписывало ориентир на формирование наиболее экономичных, прямоугольных по очертаниям кварталов, образованных прямой трассировкой улиц, и с многоэтажной, преимущественно строчной, застройкой.²³ Новым как для советской градостроительной практики, так и практики Э. Мая был именно принцип формирования целого города из типовых кварталов. В ответ на бесконечные упреки в монотонности, Э. Май отвечал: „практический смысл и экономические предпосылки заставляют идти по этому пути, все остальное – чистая романтика”.²⁴ Выполнение грандиозной задачи по строительству десятков новых городов могло быть осуществлено только таким методом и Э. Май его разрабатывает и использует. Первона-

¹⁵ ДКА (1932).

¹⁶ ГАРФ (1933: лл. 1–77).

¹⁷ О генеральном плане (1935: 1–6).

¹⁸ ДКА (1932).

¹⁹ Май (1933: 19).

²⁰ Störckühl (2011: 33–50).

²¹ Das Neue Frankfurt (1930).

²² Das Neue Frankfurt (1930).

²³ Правила (1930: 7–37).

²⁴ ГАРФ (1931а: л. 94).

чально советскую власть это вполне устраивает – метод градостроительной стандартизации активно внедряется в планировочную практику Стандартгорпроекта в 1931 году. Но с середины 1930-х годов за результатами деятельности Э. Мая и его коллег закрепился уничижительный термин „маевщина“.

Э. Май был выдающимся практиком стандартизации и рационализации строительного процесса. Начало этому было положено в Силезии, где, исходя из задачи проектирования доступного массового жилища, уже создавались типовые проекты домов,²⁵ а затем это было полностью отработано в практике нового Франкфурта. В СССР перед Э. Маем в первую очередь ставились задачи по „разработке мероприятий по рационализации и стандартизации строительства жилых домов и других гражданских сооружений, а также по улучшению методов проектировки и выполнения комплексного строительства городов и поселков...“²⁶ При всем этом, Э. Май был далек от радикализма стандарта и типа. Даже в условиях применения строчной застройки неизменным являлось разнообразие решения пространства: комбинация типов и этажности жилых домов, контрастное сопоставление масштабов жилой и общественной застройки, открытые пространства, зелень и колористика. Все это должно было лишить лаконичную по языку и типизированную застройку скуки и массовости. Так, в проекте жилкомбината „Октябрь“ акцентируется вертикальный силуэт города, образованный 12-этажными жилыми домами, контрастирующими с длинными 100-метровыми строчками 5-ти этажных домов и 7-этажными зданиями, а сквозь застройку открываются перспективы на окружающие живописные просторы.²⁷ В СССР Э. Май вынужден постоянно пояснять, что смотреть нужно не только на план, рождающий ощущение сухой схемы, а мыслить объемом и пространством.²⁸

Э. Май, по-видимому, легко воспринял понимание квартала не как только планировочного, но как социального организма. Это связывалось у него с идеей „соседств“, воспринятой у Р. Энвина. Исходя из этого принципа, и во Франк-

фурте, и в СССР архитекторы Э. Мая комбинируют в рамках одного квартала различные типы домов, отражая идею социальной гармонии. Однако есть принципиальные различия. Типология жилой архитектуры силезских поселков и „франкфуртские типы“²⁹ это исключительно индивидуально-семейное жилище, и это не только традиционные взгляды архитектора, но и социальный заказ. Для Э. Мая „наиболее естественной формой жилища“ является малоэтажная застройка. Он вынужден признать, что по экономическим причинам „конечно, нельзя совершенно отказываться от применения многоэтажных зданий“. Следуя социальной тенденции своего времени, Э. Май декларирует: „Развитие социальных отношений также все яснее указывает на необходимость усвоить коллективные формы жилья. Все попытки искусственно сохранить индивидуальный характер построек не могут изменить ничего в этой общей тенденции. Нет ничего более ошибочного, чем стремление игнорировать начало коллективизма в жилищном строительстве. Жилище нашего времени должно, подобно пчелиному улью быть комплексом отдельных ячеек“.³⁰ Но, как было сразу отмечено и в Германии, и в СССР, за подобным подходом не стоял радикализм социальных преобразований: капиталистическое поселение „чисто механистически соединяет определенные индивидуально-семейные единицы и не способно оформить это объединение в организованный коллектив“.³¹

В СССР Э. Май работает не по социальному заказу, а по государственному, с соответствующим идеологическим наполнением и с насильственной ломкой практики частного жилища. Архитекторы группы Э. Мая разрабатывают типы жилых секций исключительно для многоэтажных многоквартирных домов как индивидуально-семейного проживания (в реальности заселявшихся коммунально), так и коллективного (общезития и дома-коммуны). Понятие „комфорт“, определявшее европейскую практику „минимального жилища“, подменяется в СССР „коэффициентом экономичности“.

В проектируемых группой Э. Мая кварталах изначально закладывалась также и структура об-

²⁵ Störckuhl (2011: 33–50).

²⁶ ДКА (1930).

²⁷ ДКА (1932).

²⁸ ГАРФ (1931: л. 193).

²⁹ Frankfurter Typengrundrisse (1930: 52–55).

³⁰ Май (1932: 169).

³¹ Аркин (1932: 140).

ществленных пространств. Э. Май в своей проектной деятельности в поселках Франкфурта уже имел опыт проектирования общественных учреждений. Но их состав и масштаб был направлен на обслуживание „семьи”, как основной единицы общества, и в отношении лишь коллективных потребностей (централизованное отопление или горячее водоснабжение, электрифицированные прачечные, магазины, площадки для игр и спорта, библиотеки, в редких случаях планировались и участки под детские сады и ясли).³² „Социалистический город” был организован совершенно по-иному, здесь формировалась развитая ступенчатая система обслуживания, первичной ячейкой которой был квартал. Квартальные общественные учреждения принимали на себя всю систему коллективизированного социально-культурного обслуживания начальной ступени, бравшего значительную часть традиционных функций семьи – воспитание (ясли, детские сады), образование (школы), питание (магазины и столовые), организацию досуга (спортивные и детские площадки, клубы-примитивы). Типология зданий предписывалась программами на проектирование, задача проектировщиков заключалась лишь в их рациональном размещении в соответствии с типологией жилища и схемами повседневного движения.

В центре „социалистического города” формировалось административное пространство и общегородская система обслуживания, также с обязательным „набором” сооружений – зданий Совета, Исполкома, центрального клуба, театра, универсама и т.п. Элементы центра обрета-ли визуальную связь в схемах движения праздничных демонстраций от центральной площади по главным магистралям. Слияние масс в порыве единения и репрезентация власти составляли идеологический смысл центральной зоны. Однако в проекте Москвы главный политический и общественный центр оказывался за пределами жилкомбината, в историческом ядре. Освобожденный от повседневности, он сконцентрировал торжество новой социальной системы, подчеркнутое величием сохраненных исторических комплексов, вертикальным силуэтом административного Сити и масштабом общественных зданий „культурного пояса”. Роль общегородского центра была подчеркнута

организацией транспортной системы. Она была сориентирована исключительно на связь спутников с центром и не предусматривала кольцевой связи между жилкомбинатами как самодостаточными образованиями (иил. 7).

Э. Май искренне полагал, что его проектное предложение обязательно должно найти положительный отклик, и это настроение отчетливо звучало, например, в докладе на конгрессе СИАМ в Берлине в июле 1931 года.³³ Однако, проект был сразу расценен как дезурбанистический, как „механическая сумма городов”, как „подмена задачи реконструкции Москвы строительством нового города (вернее многих рабочих поселков) на новой территории”.³⁴ Позже Э. Май писал, что „прием нашей работы был разочаровывающим и проект не нашел „ни малейшего понимания у компетентных органов”. Это событие стало для Э. Мая знаковым „лишением иллюзий” и разочарование впоследствии лишь только усиливалось.³⁵ Постановление „О генеральном плане реконструкции Москвы” зафиксировало „правильный подход” к преобразованию города: „ЦК ВКП (б) и СНК СССР отвергают проекты сохранения существующего города, как законсервированного города старины, с созданием нового города за пределами существующего. ЦК ВКП (б) и СНК СССР отвергают также предложения о сломке сложившегося города и постройке на его месте города по совершенно новому плану. ЦК ВКП (б) и СНК СССР считают, что при организации плана Москвы необходимо исходить из сохранения основ исторически сложившегося города, но с коренной перепланировкой его путем решительного упорядочивания сети улиц и площадей”.³⁶ Э. Май позже оценивал негативность восприятия проекта как неготовность России к идеям децентрализации. Он писал, что и в градостроительстве невозможно „перепрыгнуть” через последовательные стадии развития, и каждый народ должен пройти через свой собственный опыт к последующим достижениям.³⁷

Однако, претензии к проекту Э. Мая выходили далеко за пределы оценки собственно планировочных достоинств и недостатков дезурба-

³² Das Neue Frankfurt (1930).

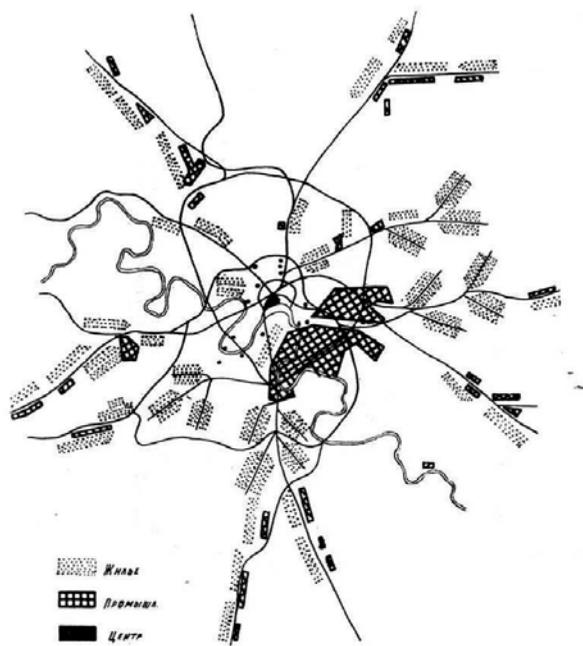
³³ Май (1931: 117–134).

³⁴ Гольденберг, Гольденберг (1933: 16).

³⁵ Май (1960: 63–72).

³⁶ О генеральном плане (1935: 1).

³⁷ Май (1960: 63–72).

Илл. 7. Бригада Э. Мая, схема „Большой Москвы“, 1932, проект

нистической схемы: „Не отрицая планомерной организации городской системы, Э. Май строит эту систему, исходя только из гигиенических требований, игнорируя политический, экономический и прочие факторы; следствием такой односторонности планировочного построения является утопичность маевского проекта”.³⁸ Особую значимость приобретали именно вышеперечисленные „факторы”.

Можно сказать, что Э. Май оказался „затерт” между двумя полюсами, существовавшими в советском градостроительстве первых пятилеток. С одной стороны, это прагматические нужды промышленных ведомств, ответственных за возведение рядом с промпредприятиями рабочих поселений. Их главное требование – максимально быстро и экономично. Для ведомственных прагматиков градостроительные принципы Э. Мая, при всем ориентире на тип и стандарт, оказались слишком социально-ориентированными и, соответственно, слишком затратными. С другой стороны, это поворот к репрезентативному градостроению, уже озвученный с высоких политических трибун и наиболее ясно выраженный устами Л. М. Кагановича именно в связи с планом реконструкции Москвы на

июньском Пленуме ЦК ВКП (б) 1931 года. Здесь значительную роль играли политические интересы. Город, как и все в тоталитарной системе, должен был являть устойчивое завершённое образование, а не динамично развивающуюся структуру. Кроме того, идея пролетаризации включала и повседневную репрезентацию идеологии и власти. Но рабочий в городе-спутнике Э. Мая видит репрезентацию только идеи коллектива, что собственно и озвучено в названии проекта. Но если это могло звучать как лозунг на волне революционного пафоса 1920-х годов, то в 1930-е годы это уже оппонировало власти, отнюдь не заинтересованной в формировании коллектива граждан как самостоятельной ячейки социальной структуры. А каждодневная репрезентация центральной власти в проекте фактически отсутствует, т.к. рабочий видит этот величавый образ исключительно в административно-политическом и общественном центре столицы по выходным и праздникам. Не только типология зданий трабантов, но и их архитектурная среда фактор репрезентации учитывает в последнюю очередь, закладывая в основу проекта политически-нейтральное понятие о функциональном городе. Общее отрицание этой идеи, получившее наглядное воплощение в фактическом отказе СССР от принятия в Москве конгресса СИАМ „Функциональный город”, получило и конкретное воплощение в осуждении маевских принципов.

В целом можно сказать, что Э. Май прошел путь от романтики первых проектов в духе *Heimatschutz* и традиционных ценностей семьи и почвы, до апологетики „типа”. Но Э. Май оставался „романтиком рационализма”. Его практика рационализации и стандартизации в духе социально-реформистских идей несла гуманистическое начало. Но в СССР эпохи первых пятилеток личные и социальные потребности подменялись государственными. И в этом кроется, вероятно, и личностная драма архитектора. В своем первоначально искреннем и воодушевленном стремлении выполнить волю заказчика, он полагал возможной свободу внутри заданных общих рамок; возможным приоритет функциональности в идеологизированном и политизированном архитектурном пространстве. Но выхолощенное гуманистическое содержание превратило город Э. Мая в схему, а процесс проектной работы в преодоление обстоятельств

³⁸ Гольденберг, Гольденберг (1933: 24).

и борьбу, оставив, в конце концов, неудовлетворенными как заказчика, так и архитектора.

Архивные источники

ГАРФ 1931 = Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Москва, ф. А-314, оп. 1, д. 7580. „Стенограмма заседания НТС ГУКХ по вопросу рассмотрения проекта планировки г. Щегловска, 30.03.31”, л. 193.

ГАРФ 1931а = ГАРФ, Москва, ф. А-314, оп. 1, д. 7737. „Стенограмма Объединенного заседания НТСов ГУКХ Союзстроя ВСНХ СССР и оценочного комитета Цekomбанка по рассмотрению проектов планировок и строительства г. Новокузнецка в 1931 году”, л. 94.

ГАРФ 1933 = ГАРФ, Москва, ф. А-314, оп. 1, д. 7674. „Стенограмма заседания НТС Сектора планировки по рассмотрению проекта планировки города Магнитогорска, 31.01.1933”, лл. 1–77.

ГАСО Р-241 = Государственный архив Свердловской области (ГАСО), Екатеринбург, ф. Р-241, оп. 1, д. 1320. „Стенограмма совещания по вопросу о строительстве города Магнитогорска”, л. 122.

ДКА 1930 = Deutsches Kunstarhiv im Germanisches Nationalmuseum (Немецкий архив искусства, ДКА), Nürnberg, NL May, Ernst, I, B-13. „Zekombank, UdSSR, 1930”. Договор от 15 июля 1930 года.

ДКА 1930а = ДКА, Nürnberg, NL May, Ernst, I, B-516. N. A. Milutin, „Sozgorod“, J. Andrejew (пер.), Moskau 1930.

ДКА 1931 = ДКА, Nürnberg, NL May, Ernst, I, B-15. „Reisebericht nach Stalingrad des Bestandsbildners, 1931“.

ДКА 1932 = ДКА, Nürnberg, NL May, Ernst, I, B-504. „Generalplan für Gross Moskau: Gorod-Kollektiv, 11.06.1932“.

Библиография

Аркин 1932 = Аркин, Д[авид]: „Архитектура и градостроительство” [в:] *Архитектура современного Запада*, Д. Аркин (ред.), Изогис, Москва 1932: 126–140.

Гольденберг, Гольденберг 1933 = Гольденберг, И., Гольденберг, Б.: „Задачи социалистической реконструкции Москвы. Проекты перепланировки Москвы”, *Советская архитектура*, 1–3 (1933): 6–25.

Казаринова, Павличенков 1961 = Казаринова, В., Павличенков, В.: *Магнитогорск*, Москва 1961.

Май 1930 = Май, Э[рнст]: „Планировка городов и новое жилищное строительство в Германии”, *Русско-германский вестник науки и техники*, 6–7 (1930): 69–76.

Май 1932 = Май, Э[рнст]: „Поселковое строительство. Опыт Франкфурта” [в:] *Архитектура современного Запада*, Д. Аркин (ред.), Москва 1932: 166–178.

Май 1932а = Май, Э[рнст]: „Пролетарская Москва – город-коллектив”, *Известия*, 15 VI (1932).

Май 1933 = Май, Э[рнст]: „К проекту генерального плана Магнитогорска”, *Советская архитектура*, 3 (1933): 17–22.

О генеральном плане 1935 = „О генеральном плане реконструкции Москвы». Постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР, 1935”, *Строительство Москвы*, 7–8 (1935): 1–6.

Орлеанский 1935 = Орлеанский, В.: „Из истории планировки города Москвы”, *Строительство Москвы*, 7–8 (1935): 15–19.

Правила 1930 = „«Правила и нормы застройки населенных мест, проектирования и возведения зданий и сооружений». Постановление ЭКОСО, 12 января 1930”, *Наше строительство*, 1–2 (1930): 7–37.

Das Neue Frankfurt 1930 = *Das Neue Frankfurt*, 2/3, 4/5 (1930), хроника.

Frankfurter Typengrundrisse 1930 = „Frankfurter Typengrundrisse”, *Das Neue Frankfurt*, 2–3 (1930): 52–55.

May 1931 = May, Ernst: „Der Bau neuer Städte in der UdSSR”, *Das Neue Frankfurt*, VII (1931): 117–134.

May 1960 = May, Ernst: „Städtebau und Wohnungswesen in der UdSSR nach 30 Jahren”, *Bauwelt*, 18 I (1960): 63–72.

Störtkuhl 2011 = Störtkuhl, Beate: „Ernst May und die Schlesische Heimstätte” [в:] *Ernst May, 1886–1970*, Claudia Quiring, Wolfgang Voigt, Peter Cachola Schmal, Eckhard Herrel (ред.), Frankfurt am Main 2011: 33–50.

Evgenya V. Konysheva

From the project of reconstruction of Breslau to the scheme of “Greater Moscow”: transformation of E. May’s town-planning concept

Contemporary Poland as well as contemporary Russia poses artistic heritage of Frankfurt’s architect Ernst May (1886–1970). Early stages of professional activities of E. May were closely tied with Silesia (1919–1925), where his principles of town-planning and residential construction took shape. Approaches to process of town-planning and construction, types of mass and not expensive housing, principles of township planning, idea of “trabants” (Breslau, 1921) – all these were developed later in the concept of “New Frankfurt”. However, under circumstances of work in the USSR (1930–1933) Ernst May’s experience was transformed considerably. It was caused mainly by all-embracing state mechanism of regulation, official perception of a city as industrial-residential complex, and ideological dogmas. Interlacement of formed creative approaches and new principles in E. May’s works was reflected in the project of reconstruction of Moscow (1931/1932) and layouts of new “socialist cities”.